

Олег Рыжов

Мавр, сделавший все свои дела

Само появление статьи, к которой я сейчас пишу это небольшое вступление, почти что чудо. Ее автора — замечательного радиожурналиста Олега Рыжова — уже много лет нет с нами. Рукопись казалась безвозвратно захороненной в пирамидах, в курганах из десятков тысяч страниц редакторского архива.

Этот архив примерно раз в пять лет вообще подчистую вывозили, и, казалось, что и эта статья давно перемолота где-то в бумажной переработке. Оставалось только корить себя за то, что не сохранил ее и за то, что поэтому справедливость в отношении героя материала так никогда и не будет восстановлена.

Но недавно один из архивных терриконов внезапно обвалился. Тысячи листов просыпались, перемешались, и вот она — статья! Все-таки рукописи — не теряются.

Прочитайте эту статью. Так сегодня уже не пишут. Прочитайте, а мы постараемся довести до завершения ту идею, за которую выступал Олег Рыжов.

Леонид Каурдаков, главный редактор газеты «Честное слово»

Вообще-то он был евреем. Но каким-то нестандартным, нетипичным. И уж подавно он никак не вписывался в каноны еврейских анекдотов, начиная с классических персонажей Абрама и Сары.

Пожалуй, его можно было бы назвать «национальным выкрестом». Потому многие евреи чурались Казарновского за его необычность.

Было немало чиновников и других национальностей, которые старались не иметь с ним дел. Их раздражала сверхэнергичность и одновременно конструктивность этого человека. Но Григорий Иосифович Казарновский от такой людской реакции не страдал. Он был глубоко интернационален и в любой среде чувствовал себя уверенно и комфортно. Может, еще потому, что никогда не греб к себе и под себя. И не пускал пыль другим в глаза. Ему не требовалось что-то изображать, потому что Казарновский всегда занимался реальным делом, причем нередко — на пределе человеческих возможностей.

Как и другие, я тоже не относился к этому человеку безразлично. Его или любили, или ненавидели (и не без основания — многим он за дело на хвосты наступал). И если не шли открыто против него в контратаку, так потому что боялись за свою дальнейшую спокойную жизнь.

Этим и объясняется нелепая ситуация, что в обширнейшем библиографическом отделе областной научной библиотеки с подробными персоналиями Г. И. Казарновский упоминается только один раз — как лучший вратарь Новониколаевска чемпионата 1924 года. И это — старейший житель города, создатель и первый руководитель Новосибирской консерватории и Новосибирской студии телевидения. И еще много чего, где требовались не только удобное чиновничье кресло, но и энергичность, смелость, самоотдача руководителя и вместе с тем (в немалой степени) — скромность и совесть. Новосибирский «мавр» делал свое дело и, не ожидая благодарных аплодисментов, тихо отходил в сторону.

Вот потому чьими-то стараниями и остался он в истории города лишь как лучший вратарь.

Считаю, что это несправедливо. И с огромным удовольствием пишу для «Честного слова» честные воспоминания об этом достойном гражданине своего города.

Мне крупно повезло. О нем мне впервые восторженно рассказал мой уличный сосед по Нарымской Вадим Гнедков, завхоз создаваемой в Новосибирске студии телевидения. Насчет завхоза — это смешно, потому что Гнедков уже преуспел к концу 50-х годов на режиссерском поприще, а Казарновский взял его к себе лишь заведующим хозяйством. Но это был взаимный компромисс. Штат телевидения на ту пору предусматривал всего-то пять человек. А Григорию Иосифовичу очень не хотелось отпустить Вадима, то есть потерять будущего главного режиссера студии.

На телевидение Казарновский лично меня не завлек. Я любил свое радио и дорожил его коллективом. И, тем не менее, сорок лет мы были с ним дружны. И сегодня я вспоминаю некоторые эпизоды нашего общения.

...Однажды так случилось, что мы работали у него на квартире, в хорошо многим известном «актерском» здании на Романова, 35. Но зазвенел будильник, и вся семья разом отправилась в спортзал «Динамо» на открытие Всесоюзного чемпионата по баскетболу. Глава семьи был режиссером театрализованного пролога чемпионата. Жена Лидия Семеновна набрала с собой побольше тетрадок и ручек, поскольку была главным секретарем чемпионата. Старший из детей Борис взял несколько свистков, поскольку был главным судьей чемпионата, а дочь Лариса — удобные кеды, потому что участвовала в этот день в матче за новосибирское «Динамо».

Невостребованной оставалась внучка Ника. Но она принесла на зрительские трибуны свое победное имя. А это тоже чего-то да стоило.

...Покажите мне человека, который бы не любил своих внучат. Наверное, таковых нет на всем белом свете за исключением выродков. Казарновский-старший не просто любил Нику. Он боготворил ее. И нередко, будучи в Москве, ночами стоял в очереди на Горького у единственного магазина страны, где продавался торт «Птичье молоко». Ника его любила и непременно заказывала деду.

Отвлекусь: Григорий Иосифович во время войны сражался прямо на передовой, за что получил немало боевых наград. Понятно, что парадов там не устраивалось, и это было ему на руку (вернее на ногу!). Даже если бы он очень постарался, то не смог бы сполна выполнить приказ «шире шаг!». По той причине, что был он совсем невысоким. Не случайно Лариса Казарновская была уникальным для баскетбола игроком — чуть выше полутора метров, но она играла снайперски и потому оказалась безо всякого блата в одной из лучших, можно сказать — профессиональных по тому времени команд страны, и не чувствовала себя дискомфортно среди высоченных девчонок.

Так вот, дома Казарновский размеренно и гордо выставлял вперед свои невысокие ноги, шагал четко и важно, как робот, а полуторагодовалая Ника умудрялась прошмыгнуть между ними туда-сюда, не застревая в этих «ножницах». Так обычно ведут себя в цирке маленькие собачки.

Не передать, сколько было у Казарновского в этот момент гордости и довольства! Не сомневаюсь: в тот момент Григорий Иосифович мечтал, что Ника когда-нибудь выйдет на арену шапито вместо него.

Кадр из фильма «Цирк» (СССР)

Да, его цирковая карьера не удалась. Вернее — не состоялась. Великолепно подготовленный спортсмен-акробат, он уже выходил на сцену новосибирского засыпного цирка в «шари-вари» — массовом показе гимнастов, на что они способны. Основные артисты номера в «шари-вари» не участвовали. За них под музыку кувыркались новички, и Григорий с упоением выполнял разные кульбиты и флик-фляки.

И надо же случиться на его беду, что среди зрителей оказался знакомый их семьи. Недолго думая, он рассказал о своих восторженных впечатлениях отцу юноши. А отец — Иосиф Казарновский — был очень серьезным человеком в жизни, а главное — в своей профессии. (Буквально на днях в одном из телевизионных сериалов я услышал забавное признание преступника, что он всего лишь «киллер скота». Вот таким киллером на мясокомбинате и был в начале прошлого века Иосиф).

К встрече с сыном он подготовил венский стул. И когда Григорий пришел домой после представления, отец обломал этот стул об него до щепок.

После снятия гипса и возвращения сына из больницы Иосиф честно предупредил: «Стулья еще есть. Не пожалейте стульев». И Григорий понял, что из цирка лучше уйти.

Но никакие отцовские угрозы не смогли отвратить сына от цирка как такового. Во встроенном глубоком шкафу его большой комнаты, неприятательном, похожим на встроенный классный шкаф с раздвижной фанерной дверкой, годами накапливалась обширная цирковая библиотека. Кроме специализированных книг и брошюр здесь хранились старинные афиши и вырезки из газет, наклеенные в альбомы фотографии с дарственными надписями, энциклопедии цирковых жанров и русская классика, посвященная артистам шапито, марки со сценами из жизни цирка и многое другое.

Об этой библиотеке Казарновского знали все (подчеркиваю — все!) артисты советских цирковых трупп и деятели искусства, работающие в кино. Нередко на Романова, 35 в квартиру 4 специально приезжали люди за тысячи километров, чтобы получить нужную для себя консультацию, уточнить какой-то исторический факт, обновить свой номер хорошо забытым старым трюком или создать интерьер кинофильма из жизни давнишнего цирка. Григорий Иосифович много делал для приезжих, принимая их как родных. Зато и он был почетным гостем в цирках любого города.

...Коротко, кто я такой, чтобы знать столько о Григории Иосифовиче. Казарновский приобщил меня к искусству театрализованных праздников и массовых представлений.

В разных книгах я читал о легендарном директоре цирка на Цветном бульваре Николае Семеновиче Байкалове. И не раз видел его в общении с Казарновским. Полная противоположность сибиряку в комплекции, массивный Байкалов, стоя рядом с Григорием Иосифовичем, уже не казался идиолом, памятником самому себе, а напоминал благонравного ученика начальной школы рядом со своим учителем. В антракте между представлениями артисты очередной программы (а сюда обычно собирали лучших, уникальных исполнителей со всей страны) зазывали Григория Иосифовича к себе за форганг и прогуливались с ним по артистическому фойе, гордые, что они знакомы с сибиряком и запросто разговаривают с ним.

Отсвет популярности Казарновского у цирковых артистов иногда падал и на меня. Я тоже стал узнаваем в их среде.

Однажды зимой я опаздывал на утреннее представление и мчался по пустому фойе первого этажа в сторону директорской ложи. За траекторией моего передвижения насмешливо наблюдал жонглер Эдуард Аберт, державший в руках кучу колец.

— Не туда бежишь! — ошарашил он меня. Я даже стал прикидывать, не спутал ли чего в спешке. — Главное — здесь!

Аберт горделиво ткнул себя в грудь, разобрал свои кольца и торжественно объявил на все фойе, как шпрыхсталмейстер:

— Мир-р-ровой рекорд! 11 колец! Исполняет непревзойденный и случайно трезвый Эдуард Аберт!

Поклонился в пояс и расчетливо, от самого пола, чтобы иметь хотя бы лишних полметра высоты, запустил вверх, к фойе второго этажа крутящийся фейерверк. Не «завалив» ни одного кольца, он пытливо посмотрел на меня: ну как?.. Наверное, надо было аплодировать. Но я растерялся, и тогда Аберт сам подошел ко мне и пожал руку. Мне — за что? Наверное, за то, что я случайно стал свидетелем его мирового рекорда. Гениев жонглирования на земле было немало, каждый — со своими «фишками». Но таким числом колец никто ни в одной стране еще не жонглировал.

— Приходи завтра на вечернее представление. На сцене больше простора. Ничто мешать не будет.

Я пообещал придти, и мы расстались, очень довольные друг другом. На следующий вечер мы с Григорием Иосифовичем заблаговременно пришли на Цветной бульвар. Но рекорда Эдуарда Аберта не увидели. И никто не увидел. Прошел даже не слух, а шепоток, что минувшей ночью жена из ревности заколола уникального жонглера планеты ножом.

...Мы с Казарновским часто приезжали из Новосибирска в Москву на семинары в ВТО, Всероссийское театральное общество. Их проводила лаборатория театрализованных праздников и массовых представлений. Наш куратор, легендарная в определенных сферах Бетти Николаевна Глан, первый директор

главного парка страны — ЦКПиО имени Горького, устраивала нам массу встреч с интереснейшими людьми. Приведу для примера случай, когда перед нами предстал совершенно измочаленный Сергей Юрский, просидевший до того двое суток в аэропорту Челябинска. Но отказать Бетти Глан в выполнении предварительной договоренности он не мог. И честно общался с нами два часа. Смотреть на него было жалко, а слушать — чрезвычайно интересно. Но он-то прекрасно знал, что эмоционально недорабатывает перед нами. Ему нужно было поставить эффектную точку. И потому в завершение Юрский рассказал, с какими огромными терзаниями, но с каким интересом он подготовил на пару со строптивой и непредсказуемой Фаиной Раневской в театре имени Моссовета спектакль по Островскому «Правда хорошо, а счастье лучше» и пригласил всех на вечерний спектакль с ее участием в главной роли. Где уж они там столько контрамарок собрали?!

Нет, Юрский был беспредельно щедр.

Часто приходила к нам директор музея имени Пушкина Ирина Антонова. Блестящая эрудитка, которой сейчас восторгается благодаря телевидению вся страна, не гнушалась тогда потратить время для пятидесяти человек.

Бывало, что мы занимали главный зал Дома актера, но большей частью встречались в небольшом зальчике на пятом этаже. Он заканчивался своеобразным балконом, который возвышался над «партером» всего на полметра и отделялся от него перегородкой с балясинами. Вот тут были наши с Казарновским места. Уважая его преклонный возраст, никто не смел занимать эти стулья.

Григорий Иосифович устраивался поудобнее, навалившись на перегородку, и через несколько минут ...засыпал. Моей обязанностью было не допускать его сладкого храпа, что я и делал бдительно, тыча его в бок локтем. Ладно если бы это случалось один — два раза в день. Но мне приходилось быть бдительным ежеминутно.

По возрасту я был сверстником его детей. Но сыновнего пиетета у меня к нему не было. Слишком молод душой и хулиганист был Казарновский.

...Казалось, возможности ВТО были безграничны. Обычно мы останавливались в лучших гостиницах центра столицы, в том числе и в легендарной «Москве», контуры которой я видел с раннего детства на водочных этикетках у своей бабушки. Тогда всей стране были известны только несколько сортов водки (вот какие были времена!). «Столичная» была одной из лучших и дорогих.

Однажды возле окошечка администратора гостиницы «Москва» я встретился со своим приятелем из Риги, директором центрального Дома культуры рыбаков Балтики. Он уже прописался и был чрезвычайно горд, что ему достался одноместный номер с видом на Совет Министров СССР.

— Номерок маленький, но главное — одноместный!

Эти восторги были предназначены исключительно для меня, но администратор не могла не слышать хвастливых интонаций моего приятеля. Тем временем документы на прописку были оформлены, и я отправился на свой девятый этаж.

Стометровый номер, который я открыл, представлял собой нечто среднее между концертным залом и картинной галереей. Посреди комнаты, нисколько не мешая передвижению, стоял концертный рояль с клавишами цвета слоновьего бивня.

Между четырьмя огромными окнами, выходящими на Манежную и на Кремлевскую площади, висели подлинные полотна классика советской живописи Николая Герасимова. Демонстративно отказавшись от воспевания героев социалистической индустрии, он стал запечатлевать в 30-е годы на своих полотнах цветущие сиреневые кусты. Не знаю, сколько их — таких картин было написано им в общей сложности, наверное, многие сотни. Во всяком случае в моем номере (мне так казалось) благоухал на восьми больших полотнах целый сиреневый сад.

Номер был рассчитан на двух человек. Приложив усилия, я не сразу, но обнаружил две тахты под неяркими покрывалами. Шикарные сами по себе, они ни в коей мере не могли сравниться с буйством красок Герасимова, потому и не были видны с первого раза.

Но чудеса продолжались. Появился мой сосед по номеру и сразу принес свои извинения: «Вас администратор не предупредила, что я устраиваю небольшой ужин для пяти человек. Но у нас на него осталось три с половиной часа. Так что мы раздавим бутылку и почти сразу исчезнем. Я уезжаю на неделю домой, в Белоруссию, так что вы останетесь один».

После этого мы познакомились. Моим мимолетным соседом по номеру оказался директор белорусского совхоза, но к тому еще председатель Совета всех совхозных директоров в Советском Союзе (это была уже государственная должность).

Вел он себя просто и скромно. И нисколько не пыжился от возможности распушить павлиньи перья. То есть был нормальный мужик.

Чтобы не помешать ему пообщаться с товарищами (явно это была не просто пьянка, а завершение начатого, возможно правительственного, разговора, я не стал мешать соседу по номеру и быстро «слинял»: благо поводов для этого было предостаточно!).

Так я больше и не увидел ни разу соседа по номеру. Зато увидел физиономию чванливого приятеля из Риги в интерьере своего номера. И понял, что таким образом я отмщен. Поселив меня здесь, суровая администраторша гостиницы «Москва» именно так отреагировала на раздражившее ее безудержное хвастовство Якова (не буду называть его фамилии — не суть важно).

А вот Григория Иосифовича я принял в своем номере с гордостью. Но до того я уже поторчал до вечера у каждого из окон. Не знаю, как сейчас организовано движение по Манежной площади. Но тогда было два встречных потока и по одному светофору в каждом — на Моховой и перед площадью Революции. Автомшины накапливались возле них, а потом выстреливались двумя стремительными фейерверками. Красный — от Президиума Верховного Совета СССР (теперешней Государственной Думы) мчался в сторону Манежа. А фары встречных машин, дававшие серебристый свет, пролетали от Манежа мимо Исторического музея и исчезали у меня под балконом у Китайгородской стены. Стремительность огней после краткого перерыва создавала красивейший эффект и напоминала цирковые кольца Аберта.

Смешно сказать, но я даже спустился из своего номера в гастроном, чтобы специально купить бутылку «Столичной» водки, а потом пройти с ней на Манежную площадь и уже оттуда определить, зафиксирован ли мой номер окошечком на этикетке или нет. Сосчитал этажи, окна и быстро понял, что «исторический» (по случаю моего въезда туда) номер навечно запечатлен полиграфистами.

Но мое тщеславие в еще большей степени удовлетворил Григорий Иосифович. Приглашенный в гости по поводу распития содержимого той самой художественно-документальной бутылки, он не поспешил к хрустальным стаканам, а открыл крышку рояля и стал катать нелегкий инструмент по разным углам и приставлять его к разным окнам. Потом принялся отдергивать огромные шторы и смотреть на Александровский сад, Исторический музей, башни Кремля и Красную площадь. Присаживался к роялю на стул, а то и на пол, продвигаясь на коленях вперед-назад.

Наконец Казарновский закончил свои таинственные передвижения и щедро, как говорят — от всей души! — протянул мне свою крепкую руку:

— Поздравляю! Из твоего номера, а может, этажом ниже (но только одним этажом!) была отснята для кинофильма «Цирк» песня, которую потом запел весь Советский Союз: «Широка страна моя родная!» Помнишь, Орлова подходит к этому окну, ветер распахивает штору, и видны вот эти башни? Давай бутылку, будем пить!

...Позже по случаю я посмотрел фильм в очередной раз и стал окончательно уверен, что Григорий Иосифович не ошибся. Тем более, что тогда, в 30-е годы, в кинематографе все было «честнее» и монтажом пользовались редко.

Но Казарновский не был бы режиссером массовых зрелищ, если бы под следующий вечер не пришел в мой гостиничный номер с новосибирским парнем — пианистом, который по случаю оказался в Москве. Парень сел за рояль, взял торжественные аккорды, и мы вновь услышали про свою страну, где так вольно дышит человек.

Это был незабываемый подарок Казарновского.

...И еще об одном рояле.

Будучи директором зарождающегося Новосибирского телевидения, Казарновский буквально ввалился в кабинет только что назначенного первого секретаря обкома партии Ф. С. Горячева и заявил, что сорвет к чертовой матери назначенное и уже объявленное открытие студии, если она наконец-то не получит давно обещанный рояль «Эстония».

Таких категорических заявлений Горячев ни от кого до этого еще не получал, характера Казарновского не знал, и это дало основательную трещину в их дальнейших взаимоотношениях.

Но задержавшийся было рояль был после такого демарша все-таки привезен из Таллина (тогда в стране все делалось по разнарядкам) и установлен в малой студии телевидения. Впрочем, никакой другой пока еще не было, все остальное отстраивалось и отделялось.

Студийная монтажка, например, занимала единственное «старинное» помещение на обширной территории TV — трансформаторную будку, нутро которой демонтировали и приспособили под склейку лент. Благо, на всей студии была лишь одна кинокамера.

А ведь героям первых передач следовало двигаться на экране. Телевидение — это вам не доска почета с застывшими глазами передовиков. Казарновский и здесь нашел выход из критического положения. Он внедрил на телевидении необычный жанр — «фотоочерк». Поскольку я лично имел отношение к реализации его наивной, но новаторской идеи, расскажу от первого лица.

Получаю в телевизионной редакции задание сделать фотоочерк о молодой свинарке Мошковского свиновхоза, недавней выпускнице местной средней школы. Кроме задания (немыслимая удача!) получаю восьмиместный тентованный ГАЗик. Первым делом заезжаю на Советскую, домой к фотографу Леониду Сломчинскому. Старый салонный специалист, он совершил в своей жизни прямо-таки революцию: выдрался из великосветского фотоателье с красивой тумбочкой, рядом с которой следовало вставать, и с великим ражем стал ездить по животноводческим пригородам Новосибирска. Он был романтиком в своей профессии и потому первым предложил встающему на ноги телевидению свои фотоуслуги.

Другой адрес (я уже его называл) Романова, 35, дом Григория Иосифовича, только последний его подъезд. В нем жила прелестная актриса «Красного факела» Ольга Дзисько, позже переехавшая на главные роли в Москву, в Центральный театр Советской Армии. Оля только что вышла замуж за молодого режиссера телевидения Сашу Гомона — и хотя это был первый брак в ее жизни, в артистических кругах города посмеивались, что Оля «угомонилась».

Думаю, что мне стоило на несколько секунд появиться у этих богемистых ребят. Потому что на всю оставшуюся жизнь я запомнил их меблировку. Она состояла из двух чемоданов. Один располагался вертикально и был ножкой «стола», а второй служил столешницей. Эта буква «Т» была так подогнана по росту, что, встав на коленки, можно было комфортно пить кофе, что съемочная группа TV и сделала.

Третья остановка была у квартиры совхозного парторга Коротаева в Мошково. Упоминаю об этом, потому что выезду на съемки предшествовала немалая организаторская работа — чтобы все были на месте, все ждали. А Коротаев жил вовсе не в своей деревне, а на окраине райцентра и ходил на работу пешком. Вот ведь какая могла бы быть нескладушка, если бы не предварительная договоренность.

Наконец все собраны. Осталась главная героиня сюжета с подругами. Но свинарки (мы точно знали это) были на утренней кормежке своих подопечных. В дело вступил Сломчинский. Он быстро и четко выполнял мои указания: «Общий план, главный проход свинарника. Общий вид. На заднем плане девушка. Средний план. Девичье лицо, улыбка. Крупный план, глаза, слегка скошенные вниз. Средний план, куча поросят, задранных морды вверх...»

Я надиктовывал свои указания на магнитофон, чтобы потом не перепутать порядок, а Леонид в ту же секунду выполнял задание сценариста. Делали мы и дубли.

Коротаеву, конечно же, хотелось быть рядом с нами — интересно же! Но у него было свое задание — собрать молодежь в клубе. Как и главная героиня, они, получив аттестаты, пошли на производство. А самым необычным в сюжете было то, что выпускницы местной школы несколько лет занимались классической хореографией и кое-чему научились от приезжавшего из Новосибирска педагога. Так что главная героиня нашего фотоочерка, закончив работу в свиноматнике, поспешила в клуб, где надела балетную пачку, пуанты и заняла свое место на сцене. Словом, Леониду Сломчинскому было чем вдохновляться.

Профессиональный режиссер Александр Гомон, слегка приноровившийся к странным особенностям фотоочерков, поначалу не имеющих толком ничего общего с телевидением, внес в съемки (причем без ехидства!) много профессиональных советов. Благодаря этому сюжет из свиноматки оказался неожиданным и емким.

Сломчинский сделал более сотни снимков солидного формата — и все до единого матовых, чтобы они не давали бликов. После этого снимки были разложены в паспарту (картонные фоторамки) и пронумерованы, как рядовые в строю — на первый-второй.

В малой студии стояли два массивных пюпитра, чтобы ненароком они не сдвинулись с места. На них аккуратнейшим образом были разложены фотоснимки, которыми во время трансляции сюжета распорядились ассистенты режиссера. Они быстро сдергивали с пюпитров отсмотренные и прокомментированные фотокадры. Две мастодонистых студийных камеры были жестко нацелены на пюпитры, а третья готова была включить в кадр меня, ведущего передачу журналиста. Если я чувствовал какой-то спотык в показе снимков, то брал внимание на себя, переходя на импровизацию.

Малая телевизионная студия находилась на первом этаже. Шикарный рояль занимал все свободное место. Я был свидетелем, как музыкальный редактор — довольно массивная выпускница консерватории — в своей передаче, чтобы сменить место в студии и оказаться в нужном месте в нужное время, решила во время исполнения очередного вокального номера пролезть под роялем и плотно застряла там. Все бы ничего — в кадр со своим перелазом она не попала, и новосибирские телезрители редакторшу не увидели. Но никак не могли понять, с чего бы с певицей случилась истерика. Несмотря на официальную концертную обстановку, она хохотала до слез и чуть не падала. А на перебивку никакой картинки нельзя было поставить. Вот и шла певица в эфир со своим безудержным хохотом.

...Наивное младенческое детство (и нищие возможности) новосибирского телевидения!

Это незабываемо!

...Думаете, я до сих пор ностальгически и всерьез отношусь к своим так называемым фотоочеркам, которые не раз подготавливал сам или видел в эфире в конце пятидесятых годов прошлого века?.. Да стыдно все это, а чем-то даже и пошло. Но подобное было вынужденно в первые месяцы новосибирского телевидения. И от всего даже сейчас не откреститься!

И всем этим — удачами, неудачами, хохмами, освоением новой аппаратуры, новыми темами и новыми возможностями в освоении ТВ — в первую голову ведал директор телевидения Григорий Иосифович Казарновский.

Он не только руководил молодым коллективом, но и жил вместе с ним. И вместе с другими шустро влезал в кузов трехтонного грузовика с синими крупными буквами на борту «Телевидение». Мне кажется, отсутствие служебного автобуса только вдохновляло молодой творческий коллектив, и все старались сесть поближе к борту, к синим буквам. Потому что грузовик вызывал у горожан однозначную реакцию. Новосибирцы впадали в ступор. Замирали на тротуарах и только головой крутили, провожая грузовик с теми, кого они вечером увидят на экранах своих телевизоров.

...Второй редакционный этаж главного корпуса еще не был обжит, но в солнечном уютном углу коридора вывесили доску приказов, оперативных объявлений, и это место стало своеобразным клубом — здесь курили и болтали.

Припоминаю (близко к тексту) приказ, который весело взбудоражил коллектив:

«Прошу принять во внимание, что некоторые из спортивных комментаторов слишком вольно стали вести себя в эфире, а самый главный комментатор совершенно распоясался. В этой связи объявляю ему строгий выговор и лишаю его премиальных на три календарных месяца.

Директор студии телевидения Казарновский».

...Накануне на стадионе «Сибсельмаша» проходил футбольный матч чемпионата страны. Новосибирск в этом чемпионате не очень-то отличался, наш город по традиции не считался футбольным.

Никаких комментаторских кабин на стадионе тогда не было. Но и зрителей не было битком. Мы вольготно сидели на западной трибуне, чтобы заходящее солнце не било в глаза и отгораживали своими телами телевизионного комментатора. Конечно же, им был «лучший новониколаевский вратарь 1924 года» Григорий Казарновский.

Профессионально подготовленный, он был, что называется, в ударе. Пониже его сидел на лавке главный редактор политвещания Владимир Валентик. Непонятно, по какой причине он встал, и я тут же услышал голос комментатора, обращенный непосредственно к нему: «Валентик! Конечно, у тебя жопа тощая и все поле не перегораживает, но совесть при этом тоже надо ж иметь! Я, конечно, понимаю, что ты большой начальник, но веди себя поскромнее!»

И сразу вслед за этим снова пошел репортаж.

Но Григория Иосифовича подвела несовершенная радиотехника. Микрофон он, конечно, отключил, но кнопка не сработала, и пылкий монолог директора ТВ услышали все новосибирцы.

После этого на телевидении и появился приказ директора студии о спортивном комментаторе.

...Я рассказываю о Казарновском, что называется, взахлеб. Потому что о нем можно вспоминать и вспоминать.

Так вот вернусь к двадцатым и тридцатым годам в жизни Григория Иосифовича, когда в стране развернулось движение синеблузников. Восторженный и неистовый «синеблузник», он организовал вокруг себя в Новосибирске не то что отдельный коллектив, а целое движение. Оно было своеобразной предтечей нынешнего КВНа, образно говоря, принципиальным прорывом в самодеятельном искусстве.

Казарновский чем бы ни занимался, всегда доводил свое дело до логического конца, созидательного завершения. Накопив знания и умения в «синеблузничестве», он поступил учиться в московский театральный техникум, которым руководил непредсказуемый в своей импульсивности новатор искусства предвоенных годов Всеволод Эмильевич Мейерхольд, заодно и главный режиссер театра своего имени. Он вел поиски новых форм агитационного публицистически острого зрелищного театра, сочетая его с экспериментальным освоением классической драматургии.

Особым стилем его учебы было вовлечение молодых студентов в ежевечерние спектакли театра. Кого только в то время Казарновский не переиграл в театре Мейерхольда, вплоть до человека, «гнавшего волну». В одном из представлений между сценой и первым рядом был устроен бассейн (всем известное в то время кухонное корыто с водой), и Казарновский хлюпал ладонями, чтобы веселый плеск ее доходил до последних рядов зала и не обрызгивал бы первый ряд. В тот момент на нем была белая бескозырка и синий матросский воротник.

С большой гордостью Григорий Иосифович достал как-то из своего легендарного шкафа с цирковой библиотекой замурзанное от времени и основательно потертое красное удостоверение выпускника техникума Мейерхольда и дал мне прикоснуться к собственноручной подписи мэтра.

История театральной жизни СССР помнит: в 1940 году большой ребенок от искусства В. Э. Мейерхольд был репрессирован. И реабилитирован уже посмертно.

...Есть такая русская поговорка: на все руки от скуки. Мне трудно, просто невозможно представить, чтобы Григорий Иосифович Казарновский когда-нибудь скучал. Не тот это был человек. Но его многие нажитые умения в искусстве и спорте использовались в полной мере, порой в неожиданных ситуациях.

В тридцатые годы прошлого века стало модным детское творчество в литературе. Школьники не только сочиняли стихи для стенгазет, но даже выпускали в подражание взрослым свои серьезные, типографски изданные книжки. Помню, как я завидовал в свои школьные годы создателям коллективного сборника «Мы из Игарки!», которую написали тамошние пацаны. Их творчество заметил сам Максим Горький, который опубликовал свою рецензию на книгу для всей страны. Юные жители заполярного города сильно этим гордились.

Еще интереснее проявили себя томичи. Тогда была невероятно популярной повесть Леонида Пантелеева «Республика ШКИД», выдержавшая несколько изданий, а потом получившая второе рождение на экранах кино. Главную роль в ленте о беспризорниках — воспитанниках детского дома блистательно сыграл Сергей Юрский.

Так вот, три воспитанника томской «Республики ШКИД» скооперировались и сообща, как игарцы, написали и издали свое художественное произведение про

«перековку» сибирских беспризорников. А главным героем они сделали своего воспитателя дядю Леву, который в противоборстве с неуправляемой поначалу сворой хулиганов вышел победителем.

Книжка, отчасти выдуманная, но у нее был талантливый прототип — Григорий Иосифович Казарновский. Именно этот дядя Лева увлек пацанов перспективой честно заработать деньги, купить на них пассажирский вагон и поехать в Новосибирск на спартакиаду, где всех победить.

Перспектива была столь заманчивой, что бывшие хулиганы и воры в конце концов «перековались». Почувствовав вкус к самостоятельному управлению собственной жизнью, юные томичи смогли себе позволить на собственные деньги и дальше приезжать в Новосибирск на спектакли местных театров. Об этом мне не без гордости рассказывал сам «дядя Лева» — Казарновский. Знал я и одного из авторов томской книги про беспризорников — Корнева. Он стал журналистом и возглавлял в разных районах Новосибирской области редакции местных газет.

Егор Кузьмич Лигачёв

...Успешно выполнив очередное задание, полученное в обкоме ВКП(б) или в облисполкоме, Григорий Иосифович переходил на другой участок, требовавший немало творческого начала и физического напряжения. Перед самой войной он вместе с Егором Кузьмичом Лигачевым возглавлял управление культуры новосибирского облисполкома. Позже Лигачев стал известным партийным деятелем, первым секретарем Томского обкома КПСС. Естественно, он многое сделал для страны в свое время, но нетленно вошел в историю партии и советского народа всего одной фразой: «Борис, ты не прав!» Эта фраза была адресована во всеуслышание одному из «паровозов» перестройки Борису Ельцину. Слишком много шустрил Борис Николаевич, вот и получил укорот от своих товарищей в лице Лигачева: «Борис, ты не прав!»

Я был случайным свидетелем встречи давних сослуживцев. Мы с Казарновским находились в холле третьего этажа новосибирского обкома КПСС, рядом с кабинетом первого секретаря. Григорий Иосифович в то время плохо себя чувствовал, но он бы не был самим собой, если бы при таком своем состоянии просто плюхнулся в кресло. Нет, он «оседлал» журнальный столик. Мы решали какие-то свои вопросы, когда открылась дверь приемной и в холл после совещания вышел Лигачев. В то время он был одним из секретарей ЦК партии и идеологом борьбы с алкоголизмом. Лигачева сопровождала солидная свита приезжих.

Казарновский глянул на секретаря ЦК, но не только не соскочил со стола, а даже не шевельнул ногой.

Лигачев медленно, по-хозяйски пошел к выходу, но чем ближе оказывался к столу, тем круче выворачивалась его шея. Казарновский же не шевелился и молчал. Лигачев первым не выдержал и сменил курс. Свита застыла в недоумении.

— Привет! — Лигачев протянул руку. Казарновский пожал ее. — Привет!

Они пытливо и мягко смотрели друг на друга, как асы разведки в финале фильма «Мертвый сезон», которых обменивают как большую ценность двух стран. И вот они идут навстречу друг другу и молчат.

Пауза затягивалась.

— Ну, я пошел, — полувопросительно сказал благополучно выглядевший Егор Кузьмич.

— Иди! — вроде бы как разрешил Григорий Иосифович.

И они еще раз молча пожали друг другу руки.

Сопровождающие чинно и важно проследовали мимо.

Только после этого Казарновский покинул свой стол и пересел в кресло.

Вот потому никто и не относился к нему равнодушно. Он никогда не скрывал своего истинного отношения к людям, а это далеко не всем нравилось.

...В войну Казарновский воевал.

Но никогда не рассказывал мне о тех годах, будто их и не было. Вспомнил только раз по случаю: в госпитале его застала весть, что в соседнем городе и тоже в госпитале лежит его родной брат Соломон. Казарновский все сделал, чтобы врачи его отпустили, и рванул к соседям. Опоздал. Но зато сам вырыл могилу и похоронил брата.

Согласитесь, редкостный случай в истории войны с ее миллионами погибших и пропавших без вести, с сотнями тысяч житейских коллизий.

Племянник Григория Иосифовича Вадим Соломонович всю жизнь проработал в НИИЖТе на кафедре гражданского строительства. Это ж сколько специалистов он подготовил для Сибири!

А Казарновский-старший... Было время, когда фронтовики после Победы носили ордена. Потом перестали носить. Потом стали выходить при полном параде только по праздничным дням. Я много общался с Григорием Иосифовичем в разные годы, но никогда не видел у него фронтовых наград, хотя они и были. Казарновский напрочь исключил войну и всякое напоминание о ней из своей жизни.

Другой разговор — театрализованные праздники и массовые зрелища, которыми профессионально и в большом количестве занимался ветеран в последние годы своей жизни.

Концерт любительского симфонического оркестра Академгородка в Новосибирской консерватории. 1974г.

Проходило ли это событие на стадионе или в закрытом помещении, например в консерватории, Казарновского всегда отличала изысканность выбранных им художественных средств и огромное уважение к главным героям праздника — ветеранам войны и труда.

Особенно уютно работалось Казарновскому в консерватории. Трудно представить, чтобы при этом его снедало тщеславие — не тот он человек. Но ведь вправду говорят, что дома и стены помогают. А консерватория воистину была его домом.

Вспоминая о Григории Иосифовиче Казарновском и периоде его «консерваторской» жизни, я вновь и вновь мысленно вижу кадры из «Трилогии о Максиме», особенно те, в которых рабочий парень с озорной усмешкой появляется по заданию партии в банке, чтобы начать руководить им. Борис Чирков очень убедителен в этих сценах.

В 1955 году Казарновский тоже появился на улице Советской с особыми полномочиями — освободить респектабельное здание от множества областных контор и открыть на их месте первый в Сибири музыкальный вуз.

Хозяева всех трех этажей чувствовали себя перед ним очень и очень уверенно. Ну как же?! За их спинами стояли первые лица области, в свое время учредившие их. Да к тому же это был самый центр города. Скажите, кто же добровольно оставит это насиженное, что называется, «клевое» место.

Дом оцетинился. Робкий человек плюнул и отступился бы. Но только не Григорий Казарновский со своим неумным, даже иронично-хулиганским характером. Недаром воспитанники Томской трудовой колонии восторгались им.

Я не знаю деталей его борьбы за здание, но я хорошо знаю Казарновского и потому легко могу представить его в той ситуации. Это был не то чтобы серьезный штурм здания по канонам военной стратегии и тактики. Это была ироничная, веселая борьба, потому что вел ее не просто чиновник, а азартный радатель за торжество новосибирской культуры.

Несмотря на глухую оборону и хитроумные козни многочисленных хозяев здания, Казарновский довольно быстро вышел победителем и принялся за оснащение дома музыкальными инструментами. В августе 1956 года единственная за Уралом консерватория открылась. На первый курс было зачислено 58 абитуриентов из 128 участвовавших в конкурсе.

Помощь новому вузу в укомплектовании профессорско-преподавательских кадров, в организации методической работы и в создании научной библиотеки сибирякам оказал коллектив Московской консерватории.

Еще некоторое время Казарновский руководил новым музыкальным вузом, а потом тихо и скромно, без скандалов и излишней помпы передал руководство настоящим музыкантам Л. Н. Шевчуку, И. А. Гутману и В. П. Арканову.

Новосибирское телевидение. Архивное фото.

Источник <http://project241014.tilda.ws>

А вскоре в Новосибирске официально начала работу студия телевидения. Как я уже рассказывал, его организатором и первым директором тоже был герой нашего повествования Григорий Иосифович Казарновский.

Начать с нуля и поставить большое творческое производство на радость сибирякам — это был, без преувеличения, подвиг. Но Казарновский считал сделанное им всего лишь элементарной частью своей жизни. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить» (кстати, большинство приписывает эту фразу шекспировскому Отелло. А на самом деле она принадлежит герою пьесы «Заговор фиеско в Генуе» Шиллера).

Я уже писал, что вольнолюбивый во всех своих проявлениях Григорий Иосифович не пришелся ко двору первого секретаря обкома КПСС, и его перевели после телевидения на должность художественного руководителя Новосибирской филармонии. Это было значительное понижение в должности, но Казарновский не увидел в том трагедии для себя. Для него главным оставалось прежде всего дело. А дело было сделано.

Тем более, что к чести обкома преемником Казарновского был назначен Глеб Никодимович Шляк, хороший психолог, интеллигентный и скромный человек, ставший истинным и многолетним любимцем всего телевизионного коллектива. Помню, он жил тогда в Бердске, приезжал в Новосибирск на электричке. А потом добирался до телевидения через полгорода на городском автобусе. Служебной легковой машиной он не пользовался, так как она была единственной в коллективе и всегда требовалась для съемок передач.

В первые годы Новосибирского ТВ я был тесно связан с ним, но никогда не работал в его штате. Глеб Никодимович, как и Григорий Иосифович, тоже не мог завлечь меня к себе. Я оставался радиожурналистом. Но даже будучи по складу характера однолюбом и оставаясь приверженцем Казарновского, я с любовью и уважением вспоминаю сегодня его преемника. Шляк, долгие годы руководивший телевидением, был достойным продолжателем дела, начатого Казарновским.

Так почему же в юбилейные дни своего 50-летия телевизионщики (я ревниво следил за этим по передачам и публикациям) почти не упоминали о своем первом директоре?!

Это было несправедливо.

И даже неприлично.

...Шли годы. У Григория Иосифовича появился старческий тик — его нижняя губа и подбородок подрагивали.

Но он по-прежнему оставался своим человеком в горкоме и обкоме комсомола. Он ходил туда каждый день, как на работу. И вовсе не был там свадебным генералом. Никто не думал воспринимать его почетным ветераном ВЛКСМ, потому что он со своими идеями и постоянной готовностью самому их реализовать всегда был нужен чиновным комсомольцам и комсомолу области в целом.

А еще Казарновский учредил редкостную традицию. Бывая в Москве, он раз в год организовывал встречу, этакий «слет» бывших комсомольских руководителей Новосибирска, работавших к тому времени в столице на разных ответственных постах. Это было не так просто — собрать этих предельно занятых людей вместе, но авторитет и упорство Казарновского делали свое дело. Новосибирцы наконец собирались, и это были такие счастливые минуты их общей, хотя и разновозрастной юности, что партийные и комсомольские чиновники по-детски проживали вновь и вновь время этих встреч и воспоминания о них.

Лично Григорий Иосифович для себя ничего из этого не извлекал. Ему было достаточно той человеческой радости, которую он создавал и свидетелем которой был. И это продолжалось не год и не два, а десятилетия.

улица Бетонная, Новосибирск

А десятки тысяч новосибирцев на трибунах стадионов, где в шестидесятые годы проводились праздники московских театров и всесоюзного кино, видевших вблизи себя легендарных актеров страны, — разве это были не массовые праздники? Еще какие! На них электричками съезжались целые районы области.

Григорий Иосифович был мастером праздников. И я считаю, что его имя надо обязательно увековечить в городе, где он прожил такую яркую и долгую жизнь.

Пусть у нас в Новосибирске будет не шесть, а всего лишь пять Бетонных улиц. Но зато появится одна — улица Григория Казарновского.

**Олег РЫЖОВ,
специально для «Честного слова»**